

С появлением на Аустралисе воинов Марса, на этом месте выросло величайшее чудо света из всех возможных.

Каньонных чудовищ вытравили и перебили, а их норы заполнили трубы, провода и сталебетон. Нефилимов, живших в этих краях с незапамятных времен и питавшихся человеческим мясом, согнали прочь за Великую Пустыню и наказали больше никогда не пересекать ее. Тех же, кто не захотел уступать человеку, поработили и заставили возводить Цитадель. Вместилище знаний, открытий и артефактов. Строение, которое все вспоминают с ужасом на устах. Его архив и текущий смысл жизни — Вавилонская башня.

Миллионы демонов строили ее так долго, что позабыли, когда был заложен первый блок магического гранита. Мраморно-обсидиановая твердыня, с каждым годом выраставшая всего на метр, повидала множество рабов, их восстаний и их смертей в качестве подношения. Прежде чем ее глаза скрылась за облаками, а ее пик уперся в «озоновый предел», десятки империй успели расцвести и зачахнуть.

Ныне эти земли населяют ратри — человеческое сообщество с богатой историей, берущей свое начало в глубокой древности — примерно во времена «Терранского Исхода», когда забытая династия объединила мир под своим началом и покинула Землю в поисках конечного знания. Давным-давно, пришедшее из-за моря в поисках знаний и ответов на вопросы, это племя присягнуло на верность Наследнику Марса, взяв его фамилию и сделав ее названием своего народа. Выучив его язык, переняв его культуру, воспитав в себе его мораль, предпочтя Великих Богов, но также и не забыв о своем месте, новые ратри стали полноценными его служителями и строителями их общего Рая. Они удостоились зваться настоящими защитниками Ада.

И теперь, чтобы воздать почести «Воителю, что сражается среди звезд», по ступеням Вавилона разливалась музыка, которую неспособен был сыграть ни один известный Аустралису инструмент. Ее дребезжащие ритмы, барабаниющие с нечеловеческой скоростью удары, благозвучный металлический скрежет и ревущие стоны складывались в причудливую симфонию, тем не менее погружавшую в благоговейный транс каждого слушателя.

Трепет поджилок, впрочем, был свойственен лишь зрителям, напрямую непричастным к ритуалу. Это был традиционный обряд, происходивший у колодца, извергающего алое драконье пламя. Длинноволосые мужественные танцоры, измазав рельефные тела в черной смоле и нарисовав поверх белые кости, в набедренных повязках ходили вокруг ямы, совершая каждое движение в такт музыки.

Их танец больше походил на синхронное повторение дыхательных упражнений, выпадов руками и быструю смену позиций из восточных единоборств, нежели на утонченные движения театральных пьес о любви и доблести. Это была дикая пляска, устраивавшаяся в память об ушедших в мир иной людях. Хоровод живых мертвецов.

Закончив первую часть выступления, за время диминуэндо — снижение музыкальной активности, — молодые красавцы перешли ко второй фазе. Водрузив на плечи по закутанному в саван покойнику, каждый танцор должен был пройти тринадцать кругов вокруг бушующего в колодце пламени. Это нужно было сделать на согнутых в коленях ногах, в полуприседе, дабы

символически показать тяжесть утраты. При этом, плакать запрещалось. Слезы считались неуважением к мертвецу. Узник физического плана бытия освобождался, отправляясь на встречу с Богами. Его доля становилась священной, а значит и горевать по нему означало грехопадение.

Крещендо означало начало кульминационной части таинства. Участники, заканчивая последний обход, становились лицом к пламени и запевали прощальный гимн. Его слова были зазубрены танцорами, но никому непонятны, потому что глава клана Ратри никогда не давал к ним перевода. Нечистокровных «ратри» нельзя было учить им. Слова принадлежали людям, состоящим в родстве с Ангелом, что Несет Свет. Душам, чтящим жертву Мортума, живущим по слову «Ultimus Deus», и идущим по пути Лазурного Руна возлюбленной Мэрии — лазуритам.

Несмотря на незнание значения пропетых фраз, танцоры чувствовали облегчение, как за себя, так и за душу члена семьи. В окончании, все участники пожертвовали мертвецов красному пламени, сбросив опустошенные оболочки в горящий колодец. Напоследок, они прошли три круга с поднятыми вверх кулаками, попутно хором выкрикивая слова: — «Нас Вселенной не сломить! Свистом с воем не убить! Лианой нас не задушить! Дурманом нас не уморить! Предательству средь нас не быть!» Души наши не сгубить!», — после чего показательно и громко смеялись, отпугивая от себя Ее коварное влияние.

С завершающим поклоном, означавшим окончание церемонии, огонь в колодце мгновенно погас. Зрители аплодировали участникам в благодарность за представление, а те скромно кивали им в ответ. Как только они собрались расходиться, над колодцем резко ударила молния, отбросив танцоров в стороны и вырастив прямо над ямой верхнюю часть человеческого скелета. Его ребра и позвоночник впились в землю, а мышцы покрывали лишь плечи, шею и всю левую руку до кончиков пальцев.

В мгновение ока мобилизовав силы, ратри окружили гигантский скелет. Тот вытаращил на них единственный глаз. Окинув присутствовавших спешным взглядом, он отворил челюсть, как всем показалось, в желании что-то сказать, но у него не хватило на это сил. Тогда недотитан опустил руку к земле и разжал ладонь. На ней лежала заветная дева жатвы, обнимавшая мятежную ведьму.

Появление Вильгельмины не заставило себя ждать. Она грянулась на землю посреди толпы, чиня террор и разрушения. Ратри в панике бросились в рассыпную от жестокой ведьмы. Обретя физическую форму, она поднялась на ноги. Увидев очертания гиганта в пыльном облаке, разозленная стражница направилась к нему, попутно мечя во все стороны искрящиеся молнии.

Приблизившись, она увидела высокую темную фигуру. Некто стоял у титанической руки, указывая пальцем куда-то вниз и бормоча под нос нечто невразумительное. Ведомая злобой и жадной мести за соратниц, Вилл не желала ничего выяснять и просто метнула молнию в незнакомца. Заряд отскочил от проявившегося щита и угодил прямо в голову великана. Лицевая часть черепа разлетелась, и половинчатая туша покачнулась назад. Испод гигантских ребер сверкнул огромный кристалл. Вывалившись изнутри туши, он полетел на дно ритуального колодца, после чего послышался гудкий грохот жесткого приземления.

Не решаясь использовать силу Сердца Кондракара, чародейка замедлила шаг, подходя ближе. Густая коричневая пелена рассеялась, и она увидела старого знакомого, прислуживавшего главе клана Ратри почти столько же, сколько она себя помнила. Белоголовый мужчина жезлом

медленно рассекал воздух.

— Vulnera Senentur... — приглушенным голосом, почти шепотом, протяжно повторял Малахит,
— ...Vulnera Senentur...

Подойдя к нему, Вильгельмина увидела на тлеющей ладони титана лежащих в обнимку Эмму и Ирмэйн. Раны водяной ведьмы потихоньку затягивались, а побледневшее от кровопотери лицо плавно розовело.

— Восстановить крылья не получится. — после недолгого затишья предупредил Малахит. — Мне очень жаль, Вилли, но это навсегда. Перевоплощение из кондракарцев в смертных и обратно не дадут никакого эффекта. Лук Пандоры — непростой артефакт. Его ковали змеиные защитники Ада. Он не прощает. Однако же скажу, что Ирмэйн, при всем случившимся с ней, невероятно повезло. Если бы она погибла, ее душа могла бы рассеяться.

— О, Малахит... — с грустью в голосе отозвалась Вильгельмина, — ...бесповоротная смерть — это та свобода, о которой мы можем только молиться. — жалостливо подняв брови она взглянула на искаленную сестру. — Ну, так что теперь?

Ведьма перевела взгляд на чародея. Он зацепил ее силуэт краем глаза, но не повернулся. Он пристально следил за пробуждением водяной феи. Прежде чем осознать, где находится и кто перед ней стоит, та приподнялась на локти и раззевалась. Призадумавшись, Малахит хотел было посоветовать им сбежать, как за их спинами, беззвучно появился старший из повелителей Аустралиса.

— Так-так-так! — довольно забасил Владыка. — А вот и они! Мина и Ирма! мои дражайшие фаворитки!

Стражница и чародей обернулись от неожиданности. Малахит сразу же встал по стойке смирно и склонил голову, дотронувшись подбородком до груди. Вилл приняла боевую позу, заискрив ладонями, а у Ирмэйн случился новый обморок.

Перед ними стояла изящная фигура прекрасного мужчины в драконьем нагруднике, испод наплечников которого до земли свисала черная, глянцевая ряса. Одной рукой в черной перчатке он держал увитый словно змеей серебряной лентой золотой посох с аметистовыми шарами — большим и маленьким, — вертикально скрепленными друг с другом тонким золотым стержнем. Другую руку он держал согнутой так, чтобы его аристократично поджатый кулак едва касался солнечного сплетения, а широкий рукав заслонял левую ногу до самого колена. Такая стойка была обусловлена презентацией белоснежной королевской косы, спадавшей с левого виска испод четырехлистной тубетейки с параллельно загнутыми боковыми углами почти до пола. Легкий макияж глаз и изысканная борода дополняли высокородный и властный образ могущественного воина-колдуна. Владыка Фобос собственной персоной.

— Наконец-то! — смотря свысока, с упоением произнес он. — Я так соскучился по своим милейшим наложницам. Спасибо, Драко, дальше я справлюсь со своими любовницами самостоятельно.

— Благодарю за похвалу, милорд, но прошу, — чародей выпрямился и с нескрываемым презрением взглянул на повелителя Меридиана, — не называйте меня так больше.

— Носом воротишь, да благами пользуешься. Справедливо ли кусать руку, что тебя кормит?

Впрочем, можешь не отвечать. Уж мне ли не знать, что, порой, еще как справедливо!

С поднятой бровью и ехидной ухмылкой Фобос вернулся к разговору с Вильгельминой. Он попросил ее не сопротивляться, так как это было бесполезно. Будучи рядом с Вавилонской башней, его сила многократно возрастала. К тому же, сейчас в ней было существо, многократно усиливавшее способности повелителей, однако взявшее с Фобоса слово, что тот не будет применять их для подавления мятежа. Так легко справиться с испытанием было бы бесчестно для господ Аустралиса.

Вилл отвлекла Фобоса от самолюбования пренебрежительным плевком под ноги, на что он тут же ответил захватывающим лучом. Полностью парализовав хранительницу амулета, Владыка разделил ее с Сердцем Кондракара и заставил посох впитать его, тем самым сделал Вильгельмину и Ирмэйн обычными эсканорками. Малахит приказал ратри немедленно подать клетку для ведьм, но повелитель посчитал это излишним. Открыв портал с видом на королевский дворец, он вызвал мимика, на спине которого уже стоял другой решетчатый куб с запертой в нем Корнелией.

Испарявшиеся позади Малахита кости прохудились и сломались под тяжестью Эммы. Дева жатвы провалилась на брусчатку и едва не соскользнула в колодец. С ударом от легкого падения она проснулась, увидев отсвет в темной бездне. Чародей быстро подоспел к ней и схватил, дабы она каким-нибудь образом не скатилась вниз и подхватил ее на руки.

Эмма увидела, как лидершу чародеек и водяную фею запер в клетке некий грозный, но обворожительный колдун. Почувствовав на себе новый взгляд, Фобос повернулся к Эмме, едва не затмив ее разум и не стерев из памяти Эрена. Подойдя ближе, он поздоровался:

— Ну ничего себе, какие красавицы нынче рождаются в Благодатном Доме! Ох и зря я тебя увидел, моя прелесть, теперь моей опочивальне точно потребуется пополнение. Ах, жаль, что ты была избрана жребием. Какая нелепая растрата!

Малахит осторожно поставил Эмму на землю и все ратри склонились перед ней также, как и перед Владыкой. Расспрашивая ее о самочувствии, Фобос подошел к колодцу и магией стал доставать кристаллический кокон. Эмма сказала, что у нее все вполне хорошо. Она робела, так как не совсем понимала, с кем говорит. Владыка лично представился ей, опередив чуткое пояснение Малахита.

Узнав, что говорит с правителем Аустралиса, Эмма удивленно выпучила глаза и растеряно вцепилась в пончо, думая, что сотворила нечто непростительное. Однако, Фобос пояснил ей, что избранницы имеют особый статус и им позволительно вести себя более вальяжно рядом с Владыкой. Впрочем, правила приличия никто не отменял. На добром слове он вспомнил юную маму-Изабеллу за воспитанность ее приемной дочери.

Прежде чем он достал кокон со дна, на плечо Малахита внезапно приземлилась сова. Точнее, филин. К ее лапе была привязана небольшая записка, которую чародей незамедлительно снял и распечатал. Прочитав ее, он оповестил Фобоса о назначенных с повстанцами переговорах.

— И где же они хотят их провести? — предвкушая заранее известный ответ, надменно спросил Фобос.

— В долине хугонгов, милорд. — стыдливо перечитал маг.

— Ха! Ну конечно же в долине хугонгов! Где же еще? Конечно, именно там! Вопрос на засыпку — сколько веков понадобится глупым мятежникам, чтобы понять, что в долине хугонгов

построили Вавилонскую башню?! Что ж, ладно, так тому и быть!

Владыка вытащил из колодца кокон и опустил его на землю. Обратив кристальную глыбу в воду, он направился к клетке с выжившими стражницами. Эмма бросилась к Эрену чтобы разбудить, как вдруг он сам вскочил на ноги и стал лихорадочно осматриваться. Взмахом жезла, Малахит успокоил телохранителя и тот упал на колени, накренившись прямо в объятия верной спутницы.

— Итак, девочки, — подойдя к решетке, обратился Фобос к ведьмам, — мне жаль, что так получилось. Утрата Тирании и Хайлин невосполнима! Но я сделаю все, чтобы разыскать и вернуть их души обратно. Пусть это и будет нелегко, но вы — почти самое дорогое, что у меня есть. Я не могу просто так отказаться ни от одной из вас. Тем не менее, надеюсь вы понимаете, насколько все серьезно на этот раз? Как и всегда, ваши игры очередные игры в свободу не привели ни к чему хорошему. Только к разрушениям. Меня вообще удивляет, что, прожив свободную, смертную, жалкую жизнь однажды, вы все равно хотите прожить такую же бессмысленную жизнь снова. Может хватит? Неужели вам не жаль всех тех, кого вы сгубили? Всех тех, ради кого своими жизнями теперь будут жертвовать такие, как она? — Фобос взглядом указал на Эмму. — Предназначение... Сколько новорожденных придется избрать Жребию, чтобы покрыть результаты ваших шалостей и только вернуться к плановому развитию?!

— Какой же ты все-таки ловкий манипулятор, Фобос! — процедила Вильгельмина. Оставив Ирмэйн и Корнелию, она подползла к прутьям и схватившись за них, вдавилась в них лицом, что было мочи. — Могу задать тот же вопрос тебе, ублюдок! Почему, когда вы с братцем задумываете очередную игру, мы начинаем восстание? Все смерти, в том числе Тирании и Хайлин, лежат на вашей совести. Будьте вы прокляты! Мы никогда не вернемся к тебе! Мы больше не твои шлюхи!

Фобос наклонился к клетке и, сверкнув лазурными глазами, коварно улыбнулся.

— Увидим... — вкрадчиво прошептал он и отвернулся. Щелкнув пальцами, Владыка заставил мимику войти в портал. Как только Вилл не поливала грязью своего хозяина, прежде чем пересечь линию звукового барьера.

Эмма и Эрен не слышали ничего из того, что кричала стражница. Фобос заранее позаботился о том, чтобы его разговор с наложницами не достиг ничьих ушей. Даже Малахит при всем его желании подслушать и выведать какой-нибудь новый секрет, не смог пробиться через эти изолирующие вибрации.

Подойдя к избраннице и телохранителю, Владыка отпустил Малахита. Откланявшись, но не скрывая при этом высокомерия, чародей ушел по своим делам.

— Итак! — обратился он к молодым людям. — Мятежники хотят провести с нами переговоры. Видимо их глаза и уши есть даже здесь, раз они так быстро узнали о потере стражниц. Но не волнуйтесь, пока я рядом, вы под надежной защитой, особенно здесь.

— Мы благодарим вас, ваша светлость! — отозвался Эрен, но воздавал эту хвалу с полулежачего положения. — Простите, господин, борьба с вашими фаворитками истощила мои силы. Удивительно, как вы справляетесь с ними при их-то резвости.

— Годы практики, юноша! — Фобос горделиво поднял нос. — Жаль только, что наши отношения всплыли наружу таким неприглядным образом. Я давно хотел о них объявить, но эти неугомонные девчонки вечно отдалают неизбежное. — уверенно усмехнулся он и вдруг

посерьезнел. — Вообще-то, я здесь не для праздных разговоров, мои дорогие друзья. На самом деле я хотел бы вам предложить присоединиться к переговорам с повстанцами. Вы, как очевидцы их страшных деяний, а заодно, и как спасители множества живых существ, верноподданных Аустралиса, могли бы оказать на них серьезное давление и склонить чашу этой неуместной борьбы к миру. Могу ли я попросить вас уделить чуждым для ваших профессий занятиям еще немного драгоценного времени?

Эмма и Эрен переглянулись между собой. В глазах друг друга они увидели искреннее желание помочь Владыке восстановить порядок.

— Скажите, милостивый государь... — обратилась к Фобосу Эмма, — ...мятежники, совершившие преступления, которые мы видели собственными глазами, будут наказаны по всей строгости?

Вопрос Эммы заставил Фобоса с интересом хмыкнуть, глядя на нее. Он чувствовал — она многое повидала и не сможет смириться с несправедливостью, если он не сдержит слово. Сильная, бесстрашная и... защищенная. Такая же, как и его возлюбленная пятерка ведьм.

— Непременно! — взглянув исподлобья, Фобос поспешил продолжить: — Вопрос лишь в том, согласятся ли они отдать жизнь, пойдя на честную смерть во имя благоденствия и общего будущего.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/118769/4755647>